

Лейкин Николай Александрович

**В царстве глины и огня.
Роман**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
В царстве глины и огня. Роман / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 210 с.

ISBN 978-5-519-92934-9

ISBN 978-5-519-92934-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Хоть ты брось! напѣваетъ кто-то изъ смотрящихъ на танцующихъ.

— Машенька! Вы пятками лягаете, а не крѣпко нажимаете! слышится возгласъ.—Вотъ какъ надо.

Раздается пронзительный женскій визгъ и танцы прерываются.

— Послушайте... Ежели вы не перестанете хвататься, мы скажемъ нашимъ новолadoжскимъ, и они намнутъ вамъ бока, урезониваетъ второй женскій голосъ.

— О?! Что намъ ваши новолadoжскіе! Нашихъ крестецкихъ здѣсь тоже достаточно. За себя постоимъ!.. угрожаетъ мужской голосъ.

— Плюнь, Машка, плюнь ему въ харю! Что съ нимъ разговаривать! успокаиваетъ третья женщина.—Танцуйте, дѣвушки, четвертую фигуру. Ихъ, нахальниковъ, не переспоришь. Они ужъ извѣстные...

— «Дайте ножикъ, дайте вилку, я зарѣжу маво милку»... поетъ пьяный голосъ и вдругъ прерывается:—Васька! Купи у меня платокъ. Вчера у татарина купилъ новый платокъ, а на кой онъ мнѣ шутъ? Выпить хочется.

— Нѣтъ, что-же это, помилуйте!.. разсуждаетъ какая-то пожилая женщина.—Съ этимъ крестецкимъ просто сладу нѣтъ...

— Солдаты... Ничего не подѣлаешь. Всѣ ужъ соллаты такіе... слышится возраженіе.

— Нѣтъ, надо, непременно надо попросить нашихъ новолadoжскихъ мужиковъ, чтобы ему печенки отбили.

— Не стануть! Онъ грамотный, и новосладожскимъ нынче письма въ деревню писалъ.

На скамеечкѣ за воротами сидить молодой парень въ бѣлой холщевой рубахѣ и новыхъ желтыхъ несмазанныхъ еще сапогахъ и лущить подсолнухи. Парень безусъ, бѣлокуръ, робокъ, глаза какъ-бы испуганные. Около него трется въ линючей ситцевой рубахѣ и въ опоркахъ на босую ногу парень постарше, черный какъ жукъ, полушьяный, съ опухшимъ лицомъ и подбитымъ глазомъ.

— Назвался груздемъ, такъ ужъ полѣзай въ кузовъ. Ау, братъ... Поступилъ на заводъ, такъ нечего отъ заводскихъ отставать, а долженъ компанію съ ними водить, говоритъ заплетающимся языкомъ черный парень. — Чего ты подсолнухи-то жрешь! Брось! Это бабья снѣдь. Отдай вонъ Машкѣ или Грушкѣ—онѣ тебѣ спасибо скажутъ. А ты долженъ сороковку купить, самъ выпить и товарища угостить.

Бѣлокурый парень глядитъ въ землю и молчить.

— Ты на заводъ-то поступилъ, такъ хоть-бы окрупенилъ кого виномъ, продолжаетъ черный парень. — Ни крупинки вина никому отъ тебя не досталось. А у насъ такое положеніе, что какъ новикъ вступаетъ — сейчасъ товарищевъ поить. Это ужъ самое малое, что четверть ставятъ. А ты—ничего.

— Знаю. Но тогда денегъ не было. Я на заводъ-то пришелъ голодный, а не токма что деньги... Радъ былъ, что до хозяйскихъ харчей дорвался, бормочетъ бѣлокурый парень.

— А когда расчетъ получилъ, отчего четвертухи

товарищамъ не поставилъ? У насъ, братъ, за это бьютъ, больно бьютъ, всю душу вышибаютъ, а тебя помиловали.

— Я расчетъ въ деревню послалъ. У насъ въ деревнѣ нынче страсти Божіи... Все погорѣло. Хлѣба ни крошки... Работы нѣтъ. Отецъ съ матерью отписываютъ, что хоть суму надѣвай да въ кусочки иди.

— Это, братъ, въ расчетъ не входитъ. Товарищамъ на это наплевать. А вчера второй расчетъ получилъ, такъ отчего вина не поставилъ? Да брось ты подсолнухи, анафема треклятая!

Черный парень ударилъ бѣлокураго по рукамъ и вышибъ зерна. Тотъ наклонился, спокойно сталъ ихъ поднимать и отвѣчалъ:

— На второй расчетъ, ты самъ знаешь, я вотъ эти сапоги купилъ. У меня сапогъ не было, въ лаптяхъ пришелъ на заводъ.

— Я самъ, братъ, безъ сапогъ. Эво въ какихъ калошахъ щеголяю! проговорилъ черный парень и сбросилъ съ ноги опорокъ.—Прежде чѣмъ сапоги справлять, ты товарищамъ вина купи. Это твоя обязанность.

— Да вѣдь я и такъ тебѣ вчера стаканчикъ поднесъ, когда въ заведеніи сапоги спрыскивалъ.

— Что стаканчикъ! Ты угости основательно. Веди меня сейчасъ въ трактиръ и покупай сороковку, а то подговорю нашихъ товарищей и они у тебя всѣ ребра пересчитаютъ.

— Да съ какой стати? Ты нѣшто товарищъ? Я земляникъ, а ты порядовщикъ, я витебскій, а ты тверской.

— Эхъ! И это еще заводскій разговариваетъ! Не заводскій ты, а нюня. Настоящій заводскій, коли на заводѣ живетъ, всѣхъ рабочихъ за товарищей считаетъ. Пойдемъ, покупай сороковку!

Черный парень схватилъ бѣлокураго и стащилъ его съ скамейки. Тотъ упирался.

— Нѣ... Денегъ нѣтъ, говорилъ онъ.

— Врешь. Самъ видѣлъ, какъ ты давеча три двугривенныхъ вынималъ. Ставь сороковку. Хуже вѣдь будетъ, какъ съ отбитыми боками станешь валяться. Прикащикъ за прогулъ штрафъ напишетъ.

Бѣлокураго парня черный парень уже тащилъ подъ руку.

— Не могу я пить. И такъ со вчерашняго, послѣ того, какъ сапоги спрыскивалъ, башка трещить.

— Это-то и хорошо. Тутъ-то и похмеляться надо. У меня у самого такъ трещить, что и на свѣтъ-бы не глядѣлъ. А опохмелимся—полегчаетъ. Иди, иди... Хоть по стаканчику выпьемъ, и то ладно.

— Да брось ты! Ну, чего ты присталъ! Я смирно сидѣлъ и никого не трогалъ, отбивался парень.— Дай на дѣвокъ-то посмотриѣть. Я на дѣвокъ смотрю, какъ онѣ танцуютъ.

— Съ дѣвками заниматься хочешь, такъ тамъ въ трактирѣ Дунька съ Матрѣшкой сидятъ. Тамъ въ трактирѣ съ ихней сестрой заниматься сподручнѣе. Пивкомъ ихъ попотчуетъ.

И черный парень насильно потащилъ бѣлокураго парня въ трактиръ.

II.

— Держите! Держите его, мерзавца! Платокъ! Двугривенный! доносится со двора, изъ-за забора визгливый женскій голосъ.

Черезъ калитку на берегъ рѣки выскакиваетъ рослый тощій человѣкъ въ неопоясанной рубашкѣ и рваныхъ шароварахъ, босой, съ непокрытой всклокоченной головой, и бѣжитъ по дорогѣ.

Сзади его появляется молодая баба въ розовомъ ситцевомъ платкѣ, сборки юбки котораго оторваны, и несетъ слѣдомъ за рослымъ человѣкомъ. Рослый человѣкъ хоть и покачивается на ногахъ, но бѣжитъ крупными размашистыми шагами. Баба еле успѣваетъ за нимъ. Стоящіе на дорогѣ и идущіе имъ навстрѣчу рабочіе разступаются и съ улыбкой смотрятъ на сцену бѣгства.

— Голубчики вы мои! Ангелы! Да схватите вы его, черта косматаго! Вѣдь платокъ мой и двугривенный утащил! продолжаетъ вопить баба, но тщетно: рослаго человѣка никто и не думаетъ останавливать.

— А зачѣмъ тебѣ съ нимъ чортъ свелъ? Теперь свои собаки... Свои собаки грызутся—чужая не приставай! замѣчаетъ кто-то съ хохотомъ.

— Воровать! Что-же это такое!.. У товарищевъ воровать! Платокъ семь гривенъ, а въ платкѣ двугривенный, задыхаясь, вопить баба, не отставая отъ рослаго человѣка.

— Сверкай пятками, Панфилъ! Сверкай, а то на-
н. а. лейкинъ.

скачигь и отниметь! одобрительно кричить рослому челоувѣку какой-то рабочій съ гармоніей.

Баба начинаетъ настигать. Рослый челоувѣкъ останавливается и обертывается къ бабѣ лицомъ. Видѣ его грозенъ. Лицо перекосившись. Изъ-за пазухи его рубахи торчитъ кончикъ яркаго шелковаго платка. Держа лѣвую руку на груди, правой рослый челоувѣкъ замахивается. Не взирая на это, баба все-таки наскакиваетъ на него и пробуетъ ухватиться за кончикъ платка, но вотъ сильный ударъ по лицу, толчокъ въ грудь—и баба падаетъ, визжа:

— Убилъ, убилъ, мерзавецъ! Православные! Что-же это такое! Никто и заступиться не хочетъ супротивъ разбойника!

Сдѣлавъ свое дѣло, рослый челоувѣкъ снова пускается въ бѣгство. Баба, держась за окровавленный носъ, начинаетъ подниматься съ земли. Нѣсколько рабочихъ окружаютъ ее. Подходятъ и двѣ женщины.

— Ангелки вы мои, вѣдь всю требуху мою онъ, подлець, пропилъ! повѣствуетъ она, воя.—Станешь ему говорить, а онъ: «ты, говорить, моя, и вся требуха твоя моя». Да какая-же я его, косматый онъ лѣшій! Я боровичская, а онъ изъ хохлацкой земли солдатъ.

— Любовь промежду себя водите, такъ ужъ ау, братья! замѣчаетъ бабѣ какой-то тщедушный мужиченко съ рѣденькой борсдкой.—Если любовь водите, то понятное дѣло, что и ты его, и деньги твои тоже его.

— Да какая любовь, что ты! Давнымъ-давно ужъ наша любовь-то и разопла съ нимъ, а я и сама

не знаю, какую такую онъ имѣетъ собственную праву надо мной тиранствовать и добро мое отнимать. Давно ужъ я наплевала на него, пьяницу, съ Петрова поста наплевала.

— Ты-то наплевала, да онъ-то не наплеваль.

— Много утащилъ? участливо спрашиваютъ женщины.

— Платокъ, платокъ... Новый матерчатый платокъ и въ платкѣ двугруженный завязанъ. Голубушки мои! Ну, что-жъ это такое, помилуйте! У ничѣмъ невинной женщины, которая давно на него наплевала, и вдругъ платокъ воровать! всплескиваетъ руками баба. — А вы, лупоглазые пьяницы, стоите и хоть-бы кто изъ васъ заступился за меня, несчастную, обращается она къ мужчинамъ. — А еще одинъ изъ васъ тоже боровицкій, землякомъ приходится.

— Ты про меня? откликается тщедушный мужиченка. — Врешь, я — крестецкій.

— Все равно, нашъ новгородскій, стало быть, настоящій землякъ. Земляки-то, смотри-ка, какъ другъ за друга... Вотъ ужъ витебскимъ земляникамъ надо чести приписать. Хоть поляками они называються, а куда какъ другъ за дружку стоятъ! Матерчатый платокъ полосатый дьяволъ у женщины сперъ на глазахъ у всѣхъ, и хоть-бы кто заступился!

— Зачѣмъ я буду заступаться? Я съ нимъ товарищъ. Я у одного шатра работаю, а онъ у другого, со мной рядомъ. Я вотъ сейчасъ пойду за нимъ въ трактиръ — онъ меня и попотчуетъ на твой платокъ, коварно улыбаясь, поясняетъ тщедушный мужиченко,

и дѣйствительно направляется вслѣдъ за рослымъ человѣкомъ.

Двое другихъ заводскихъ тоже не выдерживаютъ искушенія попробовать угоститься на чужой счетъ и тоже поворачиваютъ стопы свои по направленію къ трактиру.

— Недорого вещь человѣку досталась, такъ ужъ и для товарищевъ стаканчика не пожалѣть, бормочетъ одинъ изъ нихъ.

Баба продолжаетъ выть.

— Утри мурло-то хоть рукавомъ. Въ кровь вѣдь расшибъ, говорятъ ей женщины.

— Еще милость Божья, свѣтики, что я сапоги свои новые надѣла, а то-бы и ихъ Митькой звали и ихъ слизнуль-бы! плачется баба.—И съ чего человѣкъ пристааетъ! Ума приложить не могу, съ чего онъ пристааетъ.

— Не зачѣмъ было связываться, укоризненно замѣчаетъ ей пожилая женщина.

— Эхъ, милая дѣвушка! Вѣдь сердце не камень, а наша сестра слаба, отвѣчаетъ баба.—Сначала-то онъ мнѣ путевымъ показался, въ сиротствѣ меня приласкалъ, миткалю даже на рубаху подарилъ, а потомъ какъ началъ теребить, такъ просто неудержимо. Что ни заработаю — отниметъ и пропѣетъ. Подушку и ту, извергъ, пропилъ... Въ деревню я нонѣ на зиму не поѣду, потому такъ рассчитываю, чтобъ мнѣ послѣ Покрова въ мамки въ Питерѣ идти. Тятенька такъ отписываетъ изъ деревни, что «коли пришьлешь пятнадцать рублей въ домъ, то я тебѣ новый годовой паспортъ вышлю». А какъ я теперь пят-

надцать рублей пошлю, коли этотъ подлець всей требухи меня лишилъ. Вотъ двадцать-то тысячь кирпичей я приказчику сдала, а гдѣ онѣ—деньги? Всѣ до капельки въ Амосовскомъ кабацѣ. Только платокъ матерчатый и успѣла купить себѣ, а онѣ, чтобъ ему ни дна, ни покрывки, сегодня ужъ и послѣдній платокъ стянулъ.

— Да брось ты Панфила-то. Ну, что онѣ тебѣ?.. совѣтуютъ женщины.

— Бросила, красавицы мои, давно бросила. Неужто вы не вѣрите, что бросила?.. Присягу готова принять, что бросила, землю съѣмъ, что бросила, да что-жъ, коли онѣ такой сибирный человѣкъ, что ни чему не внимаетъ.

— Это, значитъ, онѣ по старой памяти?

— Вотъ-вотъ... Прежде, съ начала лѣта—это точно, что промежъ насъ грѣхъ былъ, а теперь ужъ я давнымъ-давно на него наплевала. Я ему говорю: «какую, говорю, ты имѣешь надо мной праву»? А онѣ: «мое, говорить, дѣло». Ну, вотъ просто обуялъ, обуялъ совсѣмъ!..

— Ты дѣвушка будешь, что-ли?

— Дѣвушка, дѣвушка, милая. Трое насъ дочерей у тятеньки, такъ тятенька двоихъ по паспорту отпускаетъ. Сестра въ Питерѣ на извозчикьемъ дворѣ въ маткахъ живетъ, а я по веснѣ въ полотьщицахъ на огороды ходила, а потомъ вотъ сюда на заводъ пристала. Пристала и попала въ бѣду. Истинная бѣда! А что дальше будетъ—и ума не приложу. Вѣдь этотъ Панфилъ каждую копѣйку у меня послѣ этого отнять можетъ.

— А ты не давай, научаетъ пожилая чернбровая женщина въ коричневомъ платкѣ на головѣ.

— Да какъ тутъ не отдашь-то? Вотъ и не отдавала, а видите, какое сейчасъ происшествіе было.

— На другой-бы заводъ тебѣ перейти, что-ли? совѣтуетъ рябая рыжая женщина.

— А книжка-то расчетная? Въ расчетной книжкѣ прямо сказано, чтобы до Александрова дня я на здѣшнемъ заводѣ работала. Не отпустить, расчета не дадутъ, судиться будутъ,—отвѣчаетъ баба.

— Попроси приказчика, поклонись ему. Авось освободить, а ты на другой заводъ. А то что-жъ это такое, коли съ человѣкомъ сладу нѣтъ!

— Совсѣмъ сладу нѣтъ. Ужаси какой человѣкъ пронзительный! Вотъ ужъ правду хохоль. И всѣ, говорятъ, они, хохлы, таковы.

— Ежели приказчикъ и освободить съ этого завода, то все она себѣ на другомъ заводѣ теперь мѣста не найдетъ. Не возьмутъ. Куда теперь съ порядовщицами-то?.. Работы на заводахъ скоро окончатся. Вѣдь ужъ люди говорятъ, первый Спасъ на дворѣ, обсуждаетъ положеніе товарки третья женщина.

— Не возьмутъ, не возьмутъ. И то не возьмутъ, соглашается рябая женщина.— Гдѣ теперь на заводъ взять новаго человѣка!

— Грѣхи! Совсѣмъ грѣхи! вздыхаетъ баба.—Одно остается, что никакихъ денегъ изъ конторы за заработку не брать, а приказчика просить, чтобы онъ самъ пятнадцать рублей въ деревню тятенкѣ выслалъ. Мнѣ пуще всего паспортъ, чтобъ послѣ Покрова въ мамки поступить. Въ мамкахъ, милушка,